

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук, профессора,
профессора кафедры истории Древнего мира
Института восточных культур и античности
Российского государственного гуманитарного университета
ГАБЕЛКО Олега Леонидовича
на диссертацию **СМИРНОВА** Святослава Викторовича
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ДИНАСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ
СЕЛЕВКИДОВ В ЗЕРКАЛЕ ЦАРСКОЙ ИКОНОГРАФИИ»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 5.6.2. – «Всеобщая история»

Царство Селевкидов – явление, уникальное для эллинистической истории, в полной мере претендующее на право считаться наследником и империи Александра Великого, и персидской державы Ахеменидов. При этом его история, к сожалению, известна нам очень отрывочно, что объясняется прежде всего фрагментарностью письменной традиции и почти полным отсутствием произведений, синхронных существованию государства (это только Полибий и отчасти Диодор). При таком положении дел выглядит совершенно оправданным стремление исследователей, занимающихся историей Селевкидов, ориентироваться на приоритетное использование иных источников – изобразительных, носящих официальный характер. Нельзя сказать, что подобная исследовательская парадигма является совершенно новой для отечественной, а тем более мировой науки, однако диссертант Святослав Викторович Смирнов выбирает такой подход, который придает проводимому им исследованию актуальность и новизну; он комплексно анализирует корпус источников, связанных с селевкидской царской иконографией, который включает в себя четыре основных категории: монеты, печати, весовые гири, надчеканки; разумеется, первое место среди них занимают именно монеты как наиболее массовый и максимально информативный материал.

Селевкидская нумизматика, в свою очередь, – феномен, поражающий своим многообразием и масштабами. Множество монетных дворов, сочетание разных традиций монетного дела, взаимодействие монархических и полисных, а также греко-македонских и восточных практик в монетном чекане

– всё это создает при обращении к данной проблематике огромное количество объективных трудностей, преодоление которых требует не только основательной профессиональной подготовки, но и большой научной смелости. Особенно импонирует то обстоятельство, что подходы С.В. Смирнова к теме базируются на его собственном богатом и содержательном опыте практической деятельности нумизмата: им проделана огромная работа по изучению и публикации селевкидских монет из российских музеев. Источники других видов – произведения греческих и римских авторов, а также данные эпиграфики привлекаются автором очень умело, удачно дополняя основной материал. Впрочем, я не вполне могу согласиться с тем, что автор неоднократно квалифицирует лишь как вспомогательные источники произведения пластики, глиптики, торевтики и мозаику: они очень часто могли носить вполне официальный характер и быть вместе с тем весьма информативными, а потому ценность их ничуть не следует приуменьшать – что, собственно, сам диссертант не раз убедительно показывает в дальнейшем (например, в разделе 6.2.1. – «Позднеантичные мозаики об основании двух полисов Сирии и монетная иконография Селевкидов»).

Характеристика степени изученности проблемы и историографической базы диссертации, данная во введении, весьма содержательна и глубока; она включает в себя выделение целого ряда наиболее важных для исследования направлений нумизматических исследований (работы по штемпельному анализу,кладам, археологическому контексту монетных находок, монетной политике, монетизации, денежному обращению, периодизации монетного дела в государстве Селевкидов, количественным исследованиям, портретной иконографии и др.). Излишне говорить, что автором используется литература на всех основных европейских языках. По ходу исследования С.В. Смирнов постоянно демонстрирует умение досконально разобраться в нюансах концептуальных построений, формулируемых его предшественниками, и в деталях используемых ими методик, что помогает ему при необходимости обосновывать собственные методические новации.

К введению мне кажется возможным предъявить только две безусловные претензии. Одна из них состоит в том, что автор спутал местами объект и предмет исследования: первый по определению должен быть шире второго, а никак не наоборот. Кроме того, никто и никогда не сможет убедить меня в адекватности обозначения цели научной работы как *исследования* чего бы то ни было; исследование – это процесс, итогом которого как раз и должно стать достижение искомой цели. Некоторые высказанные диссертантом положения выглядят небесспорными, но не то чтобы ошибочными, а скорее дискуссионными. Так, например, диссертант неоднократно в разных частях работы и с различными вариациями излагает примерно такую мысль: главной функцией монетной иконографии в эллинистический период была выработка экономического доверия к монете, и целый ряд факторов обуславливал ограниченные возможности монеты как агента распространения информации, что, в свою очередь, исключает использование монетного изображения как инструмента государственной пропаганды. Не обесценивает ли отчасти тем самым С.В. Смирнов содержание собственной работы? Каково в данном случае соотношений понятия «пропаганда» с иными идеологическими функциями монеты – таковые ведь, несомненно, существовали? Кроме того, мне кажется, что автору следовало бы более четко определить дефиниции для двух близких, но все-таки неодинаковых понятий, активно им используемых – иконография и символика. Первое, по моему мнению, имеет отношение прежде всего к внешности самих царей, изображенных на монетах и иных источниках; второе же включает в себя набор различных атрибутов царской власти, акцентирующих те или иные стороны соответствующей идеологии.

Структура диссертации, посвященной изучению комплекса столь непростых вопросов, по определению должна быть довольно сложно выстроенной, и С.В. Смирнов поистине мастерски преодолевает все связанные с этим трудности. Он берет за основу проблемно-хронологический принцип изложения и анализа материала, и необходимо подчеркнуть, что неизбежные в таком случае повторы в разных частях работы ничуть не нарушают логику

повествования и анализа в целом. Сложная на первый взгляд архитектура работы оказывается совершенно оправданной: автору удается охватить весь спектр ключевых проблем и дать им собственную трактовку.

Диссертация состоит из шести глав. Едва ли имеет смысл детально пересказывать их содержание; скорее, следует остановиться на некоторых наиболее интересных моментах.

В 1-й главе излагаются теоретико-методологические основы работы. Она содержит подробный анализ источниковой базы исследования. Ярко и убедительно написан методологический раздел работы: ссылки на Ю.М. Лотмана, Р. Барта, Э. Канторовича и других классиков философии и культурологии (как в этой, так и в других частях исследования) действительно эффективно работают на обоснование основных положений, выдвигаемых диссертантом. Принципиально важное значение имеет рассмотрение диссертантом проблем соотношения иконографии, идеологии и социокультурного контекста: полученные в параграфе 1.2 выводы, на мой взгляд, могут быть в той или иной степени экстраполированы и на нумизматический материал, связанный с другими государствами и эпохами. Самостоятельное значение имеет терминологический анализ понятий, используемых в современной нумизматике для описания тех или иных реалий монетного дела древности (да и не только): неспециалисту порой непросто представить степень сложности тех проблем, которые возникают перед нумизматами и до сих пор являются предметом интенсивных дискуссий. Чрезвычайно любопытно выглядит применение авторской методики для количественного анализа селевкидских монет из драгоценных металлов: его результаты наглядно представлены в виде графиков. Мне, правда, не показался настоятельно необходимым сам по себе весьма интересный раздел 1.3.2, касающийся проблем относительно репрезентативности выборок дошедших до нас монет: в нем, собственно, ничего не говорится об иконографии как таковой.

Глава 2 содержит всестороннюю характеристику царского портрета и сопровождающего его атрибутов во всем их типологическом разнообразии.

Набор элементов, связанных с изображениями тех или иных представителей династии, весьма обширен: это могут быть подчеркивающие сакральность образа правителя рога, солярные символы; воинские и властные атрибуты (шлем, македонская кавсия и диадема), анималистические детали и мн. др., семантика которых может быть весьма разнообразной. Здесь обрисованы общие принципы монаршей портретуры и ее эволюции, которые будут органично наполнены конкретикой уже в следующей главе, где речь ведется о каждом из представителей династии и проводимой ими монетной политике. В параграфе 2.2 прослеживаются разнообразные связи царского портрета с монархической идеологией.

Главы с 3-й по 5-ю являются, по сути, центральными в структуре диссертации. Они посвящены анализу селевкидской царской иконографии в ее динамике и историческом развитии: от основателя династии Селевка I до последних ее представителей. Ключевым для этой части работы является обоснованное автором понятие «иконографическая модель»; их последовательная смена, осуществляемая теми или иными представителями царского дома, наглядно иллюстрирует основные вехи политической и династической истории державы. Закономерный интерес вызывает параграф, посвященный знаменитому «селевкидскому якорю» (в принципе, его можно было бы поместить и в предыдущую главу). С.В. Смирнов прослеживает эволюцию этого изображения от «личного знака» Селевка Никатора и некоторых из его потомков к династическому символу; в данном случае уместным, как кажется, было бы более подробное рассмотрение его заимствования не только Хасмонеями, как это сделано в параграфе 6.2.2, но также парфянами и, возможно, представителями других эллинистических государств (см. соответствующий раздел монографии А.С. Балахванцева о ранней Парфии).

Воздерживаясь, опять-таки, от детального рассмотрения изложенного в данных главах материала, отмечу, что он выглядит чрезвычайно интересно в частных своих аспектах, связанных с конкретными политическими событиями, и весьма убедительно – будучи взят как целое и представлен в виде сово-

купности идеологом, политических и религиозных установок, видоизменяющейся под воздействием постепенного нарастающего и углубляющегося кризиса державы. Исключительно интересны примеры, связанные с иконографией узурпаторов, претендовавших на власть в отдельных регионах державы или даже на верховное господство в ней: Молона, Ахея, Тимарха, Диодота-Трифона и др. Для легитимации своего властного статуса они, с одной стороны, использовали некоторые элементы, заимствованные из нумизматических практик законных представителей династии, а с другой – при необходимости шли на разрыв с ними и конструировали, более или менее успешно, собственные идеологические концепты, в том числе выражаемые визуально.

Немного неудачным кажется название заключительной главы исследования: в ней содержится некоторое противоречие, поскольку определение «После Селевкидов» в данном случае никак не может быть отнесено к подражаниям и имитациям селевкидских монет («варварским» и «неварварским») собственно эллинистического времени. Этот материал, вполне кондиционный сам по себе, всё же в большей степени раскрывает экономические, а не идеологические аспекты селевкидского монетного дела и его восприятия соседними государственными объединениями. Удачно завершает основную часть работы параграф, посвященный рецепции селевкидской иконографии в более позднее время, вплоть до Средних веков.

В целом же проанализированный автором материал, при всем его огромном разнообразии, ничуть не производит впечатления хаотичности: С.В. Смирнову удалось целенаправленно структурировать его и представить в оптимальном для восприятия читателем виде. Несмотря на обилие фактологии и порой узкоспециальной информации, текст работы читается с неослабевающим интересом от первой страницы до последней.

Настоящим украшением диссертации выступает богатый иллюстративный материал, вынесенный в приложение: это качественные фотографии монет и других источников, несущих визуальную информацию (общим числом 256!). За счет приложения автору удастся в полной мере добиться единства

нарратива и изобразительности, что делает восприятие читателем текста, насыщенного разнообразной информацией и значительного по объему, легким и органичным. Мне кажется, что приложение содержит лишь один недочет: не хватает иллюстраций для сюжета о монетах Селевкии-на-Тигре, представляющего собой самостоятельный и весьма интересный раздел работы (с. 469–486).

Необходимо отметить, что диссертант повсеместно в тексте исследования помещает анализ селевкидского монетного дела в обширный контекст: он прекрасно ориентируется в нумизматике других эллинистических государств. Это, прежде всего, египетская держава Лагидов и Греко-бактрийское царство, а также Македония, Парфия, государство Хасмонеев и разнообразные греческие полисы. Вполне уместными выглядят и экскурсы в более раннее время: С.В. Смирнов привлекает при необходимости иконографический материал, связанный с монетами персидских сатрапов, изображениями Александра Великого (выходя тем самым на «вечную» проблему *imitatio Alexandri*), а также диадохов. С другой стороны, диссертант обращается иногда также и к нумизматике Римской Республики и даже империи – как для анализа частных конкретных сюжетов, так и с целью рассмотрения тех или иных методических вопросов.

Работа написана хорошим литературным языком, рассуждения автора логичны, выводы хорошо обоснованы. Для авторского стиля С.В. Смирнова характерен высокий уровень полемичности, умение аргументировать свою точку зрения при выдвижении оригинальных гипотез. Интенсивная насыщенность подстрочных сносок историографическим материалом отнюдь не должна быть расценена как самоцель, долженствующая подчеркнуть эрудицию автора: она выступает реальным инструментом научного анализа. Библиография диссертации оформлена четко и аккуратно.

Укажу на некоторые небольшие фактические ошибки и неточности, обнаруженные мною в тексте, а также ряд спорных мест. Апамейский мир между Римом и Антиохом III был заключен в 188, а не в 187 г. до н.э., как дважды

пишет автор. В 305 г. до н.э. Деметрий, сын Антигона Одноглазого, еще не обладал прозвищем Полиоркет (с. 42). На с. 219 диссертант пишет: «О каких-либо союзах Антиоха Гиеракса с Македонией или Вифинией нам неизвестно»; между тем, источники сообщают о браке селевкидского царевича с дочерью вифинского царя Зиэла (Euseb. Chron. I. P. 251 Ed. Schone = Porphyrg. FGrH 260 F. 32. 8). Коль скоро оказалась упомянута близкая мне Вифиния, то отмечу: у нас пока что нет достаточно надежных оснований полагать, будто бы династическим символом ее царей являлось именно изображение всадника, как об этом говорит С.В. Смирнов на с. 254; имеется лишь одно свидетельство такого рода в недавно опубликованной надписи с Коса, связанное с тем же Зиэлом, а этого недостаточно для обязывающих выводов. Что же до Понтийского царства, то звезда (причем с полумесяцем) являлась подобным династическим символом не только для Митридата VI Евпатора, как об этом говорит диссертант, но и для его предков, начиная с Митридата III. Об этих же государствах речь идет и на с. 509: рассуждая об особенностях портрета Антиоха IX, С.В. Смирнов солидарен с мнением Р. Фляйшера, что специфический тип бороды без усов связан с изображениями представителей династий Вифинии (Прусий I) и Понта (Митридат III) – которые, однако, правили задолго до рождения Антиоха IX. Мне это кажется маловероятным, поскольку такой тип бороды встречается на почти синхронных портретах поздних Птолемеев, тем более что, по словам самого автора, характерным портретным атрибутом изображений Антиоха IX являются «глаза-бусины» или «глаз Птолемея». На с. 503, рассуждая об афинских тетрадрахмах «нового стиля», С.В. Смирнов говорит о причастности к выпуску некоторых их типов Митридата V или VI Понтийских; насколько мне известно, сейчас этот вопрос однозначно решается в пользу второго из названных монархов.

На с. 424 автор пишет: «Портрет Александра (Баласа – О.Г.) в беотийском шлеме стоит признать первым случаем изображения селевкидского царя в шлеме», хотя далее отмечает, что «изображение правителя в шлеме достаточно часто встречается в иконографии ранних Селевкидов», причем здесь

идет речь не только о неконкретном типе «правителя в шлеме», выпускавшемся при Селевке I. Похожее противоречие встречаем на с. 458, где диссертант отмечает: «Из общей массы селевкидских правителей Деметрий II выделяется тем, что был единственным царем из всей династии, который дважды занимал царский престол»; однако на с. 515 он сам же опровергает это суждение фразой: «Все это привело к тому, что за три десятилетия на престоле сменилось семь царей (некоторые правили не по одному разу)». Наконец, я никак не могу согласиться с мнением диссертанта, присоединяющегося в данном случае к Ф. де Каллатаю, будто бы выпуск тетрадрахм в Каппадокии представлял собой «весьма нехарактерное и крайне редкое явление» (с. 547). При том, что династия Ариаратидов действительно отдавала приоритет чеканке драхм, хорошо известные С.В. Смирнову каталоги каппадокийских монет за авторством Б. и А. Симонетта дают немало примеров выпуска монет и этого номинала, начиная с Ариарата III, первым провозгласившим себя царем.

Работа, к сожалению, не свободна от некоторых мелких огрехов сугубо технического характера. В ней много пунктуационных ошибок, связанных с (не)постановкой запятых, немало несогласований и опечаток, – причем число их возрастает ближе к концу текста: очевидно, сказывалась усталость автора, накапливающаяся по мере выполнения такого поистине титанического (без иронии) труда. Встречаются ошибки в географических названиях: Фаселис вместо верного Фаселида (с. 103, 301), Харракена (отчего-то с двумя «р» – с. 302), Гелла (почему-то с двумя «л» – с. 321), Селевкия на Каликанде (7 раз); правильно – на Каликадне. Составные названия городов, подобно этому или, например, Антиохия-на-Оронте, следует писать через дефисы (как Ростов-на-Дону). Фамилия известного исследователя эллинизма польско-немецкого происхождения, работающего ныне в Торонто – Хрубасик, а не Чрабасик. На с. 546 упоминается некий Д. Джакобссон, а хотя в действительности речь идет о шведе Йенсе Якобссоне (причем ссылка в подстрочнике на саму работу по недосмотру отсутствует). Встречаются опечатки и в фамилиях авторов,

на которых С.В. Смирнов ссылается десятки раз – Эклинс вместо Элкинс (с. 35), Элиг вместо Элинг (дважды на с. 457) и Лобреб вместо Лорбер (с. 448). Тронный эпитет Александра I и Деметрия II приведен на с. 420 и 477 как «Теопатр», хотя правильной, безусловно, является форма Теопатор (по аналогии с Евпатор и Филопатор). На с. 546 появляется Митридат Калинник вместо Каллиника (спасибо автозамене в Word). На с. 402 брат узурпатора Тимарха именуется Гераклитом, в остальных случаях приведена верная форма его имени, Гераклид. Не повезло и известному древнегреческому скульптору Бриаксиду, которого автор именует либо Барксидом на с. 143, прим. 337 (к тому же с неточной ссылкой на «Естественную историю» Плиния Старшего), либо Браксидом на с. 386, прим. 1007. Ну и, наконец, забавная «зоологическая» деталь: на с. 117, описывая изображения на монетах тирана Регия Анаксилая, автор сначала говорит о зайце, а затем – о кролике. Данный список можно было бы несколько продолжить, в чем, однако, нет настоящей необходимости: это действительно мелочи, абсолютно не влияющие на общую исключительно высокую оценку работы и легко устранимые при переработке диссертации в монографию, каковая, по моему мнению, непременно должна последовать в довольно скором будущем.

Заключение работы содержит итоги и выводы, логично вытекающие из основного текста и хорошо соответствующие положениям, выносимым на защиту. Автореферат диссертации адекватно передает ее содержание. Основные положения работы отражены в трех монографиях (одной индивидуальной и двух в соавторстве) и 45 статьях, опубликованных в авторитетных отечественных и зарубежных изданиях; они также прошли апробацию на многочисленных международных и всероссийских конференциях.

Исходя из вышесказанного, необходимо резюмировать: представленная к защите диссертация «Политическая история и династическая идеология Селевкидов в зеркале царской иконографии» представляет собой оригинальное, самостоятельное, выполненное на высоком научном уровне и во многих отношениях новаторское исследование, вносящее существенный вклад в со-

временное понимание политической истории, государственности, идеологии, религии эллинистического мира. Данная работа в полной мере отвечает всем требованиям, установленным Постановлением правительства РФ № 842 от 24.09.2013 «О порядке присуждения ученых степеней» («Положением о порядке присуждения ученых степеней») и критериям, предъявляемым к докторским диссертациям по специальности 5.6.2. – «Всеобщая история» (история Древнего мира), а ее автор, Святослав Викторович Смирнов, вне всяких сомнений заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук

Официальный оппонент
доктор исторических наук
(специальность 07.00.03 – «Всеобщая история»),
профессор, профессор кафедры истории Древнего мира
Института восточных культур и античности
Российского государственного гуманитарного университета
(г. Москва)
ГАБЕЛКО Олег Леонидович

17.09.2025

Контактная информация:

125047 Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 1, 415

Тел. +7(499)-250-63-18

E-mail: gabelko@mail.ru

*Подпись О.Л. Габелко
удостоверяю*

**ПРОРЕКТОР
ПО УЧЕБНОЙ РАБОТЕ**

П.П. ШКАРЕНКОВ

Сведения об организации, заверившей отзыв:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»
125047 Москва, Миусская площадь, д. 6, тел. +7(495)-250-61-18, e-mail:
rsuh@rsuh.ru